

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ КОННОТАЦИИ

Л.В. Кропотова

Аннотация. В философии о языке XIV в. термин «коннотация» стали применять с целью различать слова по образу и действию, в лингвистике XIX в. данным понятием стали обозначаться все эмотивно-окрашенные элементы содержания выражений, соотносимые с прагматическим аспектом речи. Планомерное накопление теоретических и фактических данных о лексической коннотации должно привести к выделению особого раздела лексикологии, посвященного специально развитию коннотации.

Ключевые слова: лексическая коннотация, коннотат, денотат, социокультурная ассоциация, компонент, экспрессивный, эмоциональный.

Понятие коннотации крайне не просто. Этот термин охватывает различные стороны слова: «дополнительный или маргинальный семантический компонент», «эмотивные и экспрессивные», «модальные» и «оценочные», «прагматические черты», «семантические ассоциации» и «стилистические нюансы» и т.д. [1. С. 33–34].

Слово «коннотация», появившись примерно в 1200 г. от лат. *connotare* «вместе – (обо-)значить» и возникнув в схоластической логике, использовалось в философско-теологических дискуссиях о смысле слов, в философии о языке XIV в. термин «коннотация» стали применять с целью различать слова по образу и действию, в зависимости от того, на что они указывают. В особенности говорили о различии конкретных и абстрактных слов. Конкретные слова определялись не только по тому, какими качествами они обладают, но и по тому, обладает ли теми же качествами и их носитель. В структурной семантике понятие было подвергнуто значительному расширению и изменению. Смысловый объем данного термина в дальнейшем расширялся в семиотике, что привело к его различному употреблению: понятие постепенно распространялось и в знаковых системах мышления, таких как изображение, материя, звук.

В лингвистике XIX в. термином «коннотация» стали обозначаться все эмотивно-окрашенные элементы содержания выражений, соотносимые с прагматическим аспектом речи. Тем не менее, несмотря на длительную историю использования данного термина, его определение в лингвистике до сих пор неоднозначно. Термин «коннотация» вошел в языкознание в XVII в. через грамматику Пор-Рояля для обозначения свойств в отличие от субстанций.

Российский энциклопедический словарь [2. С. 725], Советский энциклопедический словарь [3. С. 31] и Большой энциклопедический словарь [4. С. 563] дают следующее определение коннотации: коннотация (ср.-век. лат. *connotatio*, от лат. *con* – вместе и *noto* – отмечаю, обозначаю)

чаю) – в языкознании дополнительное, сопутствующее значение языковой единицы или категории. Включает семантические и стилистические аспекты, связанные с основным значением.

«Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия» [5. С. 618] и справочное издание «Постмодернизм. Энциклопедия» [6. С. 373–374] уточняют понятие коннотации: коннотация (позднелат. *connotatio*, от лат. *con* – вместе и *noto* – отмечаю, обозначаю) – логико-философский термин, выражающий отношение множественным смыслом (коннотат) и комплексом имен. Коннотат характеризует денотат, т.е. предметное значение, устанавливаемое в процессе обозначения объекта в имени. Коннотация, которая не сопровождается денотацией, устанавливает идеальный объект, который не имеет преднаходимого в реальности эквивалента, но имя которого не лишено смысла. Например, имя «современный король Франции» обладает смыслом, однако в настоящее время не имеет денотата.

Термин «коннотация» употребляется также в языкознании, но приобретает там иное значение: как дополнительное, сопутствующее значение языковой единицы, служащее для выражения экспрессивно-эмоциональных оттенков высказываний. В семиотике коннотация – особый непрямой модус значения, уровень «вторичных означаемых», надстраивающийся над прямым денотативным значением слова. Влияние на конструирование побочных смыслов слова оказывают самые разнообразные факторы: жанровые конвенции (так, слово «пламя» в качестве литературного клише для выражения любовной страсти косвенным образом содержит в себе значения «язык трагедии», «классическое чувство» и т.д.), стереотипы восприятия (изображение макарон может обозначать не только пищевой продукт, но и нести побочный смысл «итальянскости»), стилистические особенности и т.д. Коннотация стала объектом систематического анализа в «коннотативной семиологии» Л. Ельмслева [7. С. 139]. Развивая исследования коннотации, Р. Барт указывает на следующие ее характеристики: коннотативные значения способны надстраиваться как над языковыми денотативными значениями, так и над вербальными знаками, над утилитарными назначениями материальных предметов; коннотативные значения латентны, относительноны и подвижны [8. С. 36]. Важнейшей характеристикой коннотативного значения Р. Барт считает его идеологическую нагруженность, способность в качестве формы идеологического воздействия защищать «основное» значение слова.

Известный толковый словарь *Der Grosse Coron* [9. С. 156] ссылается на понятие коннотации в связи с использованием его в семантике – это (ассоциативные, эмоциональные, оценочные) компоненты значения, которыми обладает слово помимо своего собственного значения (денотата).

Согласно исследованиям все разнообразие подходов к изучению коннотации сводится к двум основным типам коннотации: коннотация

как понятие логико-философское и коннотация как понятие лексикографо-лингвистическое [1. С. 33–34].

Логико-философское понятие коннотации восходит к Дж.С. Миллу и его работам в XIX в., где коннотация основывается на оппозиции коннотации и денотации. В логическом смысле коннотация какого-либо слова – это смысл (или намерение) или содержание соответствующего понятия в отличие от денотации какого-либо слова, т.е. расширения объема понятия, где охватывается вся совокупность объектов.

Коннотация по Дж.С. Миллу – это признаки, сообщаемые словом [10. С. 104], его представления о коннотации соответствуют современным представлениям о существенных признаках понятия. Рассматривая коннотативные и неконнотативные имена, Дж.С. Милл считает, что все имена есть имена чего-либо реального или воображаемого, но не ко всем предметам прикреплены индивидуальные названия.

Определение коннотации у Дж.С. Милля основано на трехчастном понимании знака (знак – объект, референт и означаемое): денотация – экстенциональное значение знака, коннотация – его интенциональное значение. Коннотация представляется как знаковая система, для которой другая знаковая система служит предметом выражения (ср.: «Это невозможно» и «Это не представляется возможным»: денотативное значение двух фраз одинаково, но вторая обладает дополнительной коннотацией, указывающей на то, что сообщение исходит от бюрократической власти).

Далее Дж.С. Милл считает, что значение названия не основывается на том, что это название означает, а на том, что оно со-означает. Коннотативное слово должно рассматриваться как имя из тех предметов, которое оно денотирует (называет), а не как имя того, что оно коннотирует (обозначает). Не узнав, какие предметы называет имя, нельзя понять его значение. Хотя значение заключено не в том, что имя денотирует, а в том, что оно коннотирует, и у имен, лишенных коннотации, строго говоря, отсутствует значение.

Аргументы Дж.С. Милла продолжил развивать в своих работах в 1934 г. К. Бюлер в книге «Теория языка. Репрезентативная функция». К. Бюлер определяет коннотацию в качестве пробела слова, которое должно заполняться контекстом. В каждом языке существуют избирательные сродственные связи: наречие стремится к своему глаголу, то же наблюдается и у других частей речи [11. С. 58]. Это можно сформулировать и по-иному, а именно, что слова определенного класса открывают вокруг себя одно или несколько вакантных мест, которые должны быть заполнены словами определенных других классов. Мы имеем в виду важный известный еще схоластам факт коннотации. Наряду с материальными опорами это – еще одно важное и общее средство контекста.

Понятие коннотации происходит из схоластической логики и имеет отношения к представлениям, которые К. Бюлер заимствовал у Аполлония и стоиков и положил в основу своего анализа; согласно этим пред-

ставлениям назывные слова содержат качественную определенность названного; в этом заключается смысл схоластического *notare*. Некоторые схоластики объясняли, что прилагательные, такие как *albus* – обозначают не только свойства, фиксируется факт белого цвета у прилагательного *weiss*, но являются также и носителями этого качества и одновременно со-означают и его обладателя; не конкретный предмет, а нечто, характеризующееся цветом. Слово «белый» обозначает все белые предметы – снег, бумагу, морскую пену и др. – и включает, или – в терминологии схоластов – со-означает (коннотирует) атрибут белизны. С прилагательным связано представление об одной вакантной позиции. На современном языке это можно было бы сказать иначе: заполняется пустая форма. Понятие «ключ», например, среди своих признаков имеет вакантное место для области использования вещи, которое по очереди могут занять дом, чемодан и т.д., чтобы получились соответствующие композиты. Пресуппозиция вакантного места необходима, т.к. всякий ключ должен принадлежать какой-либо из названных областей применения.

К. Бюлер рассматривает положительный прогресс со времен Гомперца, который развил теорию языкознания из фонологии, и принцип абстрактной релевантности. Это удобный принцип не может раскрыть специфику различия знакового понятия. Придуманное соглашение между фонетикой и фонологией, которое больше относится к фонологии, может служить выходом из положения: предположим, два человека решили общаться при помощи сигналов флагов и договорились, что неважно, какого размера флаг или какой формы, главное, чтобы цвет означал те или иные сигналы. А именно, они решили, что три насыщенных цвета будут играть роль значений. Во-первых, ненасыщенные оттенки черно-белого получают значение А. Будет ли в конкретном случае использоваться именно черный, серый или белый цвет – неважно. А, во-вторых, флаги с более насыщенным цветом получают значение В. Будет ли в каждом конкретном случае использоваться небесный, розово-красный или коричневый как табак цвет – не имеет различия, значением он не насыщен. В-третьих, флаги с самым насыщенным цветом получают значение С. Будет ли использоваться в каждом конкретном случае ярко красный, ярко голубой, ярко желтый или ярко зеленый цвет – не имеет значения и не имеет насыщенности. Разумеется, каждый участник такого соглашения должен все эти нюансы знать и быть в состоянии в каждом конкретном случае правильно применять тот или другой оттенок группы А, В или С. В таком случае участник без ошибок сможет принимать участие в игре сигналов – подавать сигналы и получать их [12. С. 33].

В структурной семантике понятие коннотации было подвергнуто значительному расширению и изменению. С учетом определения понятия слова по Ф. де Соссюру («*valeur*») Л. Ельмслев представил аргументы, что для описания семантического содержания слова к обозначаемым предметам (расширение) и признакам (замысел) обозначаемых предметов отно-

сятся также суждения и оценка, связанные в единую языковую общность [6. С. 187].

В 1950-х гг. этнолингвистический подход к значению слова подводит Ю. Найду к признанию за культурой роли формирования сопутствующего значения (коннотации) слова [13. С. 45–71].

В 1962 г. Т. Павел впервые высказывает мысль об исследовании с помощью коннотаций семантической структуры метафоры (цит. по: [14. С. 84]), в которой денотативное значение заменяется контекстуальным, переносным, коннотативным. Начиная с этого времени в языкознании все более укрепляется взгляд на коннотацию как неотъемлемую часть языковой системы, которая не может быть ограничена только стилистическими рамками.

Смысловый объем понятия «коннотация» в дальнейшем расширился в семиотике, что привело к различному употреблению этого термина: понятие постепенно распространялось и в знаковых системах мышления, таких как изображение, материя, звук. Ссылаясь на мнение Л. Ельмслева, Р. Барт дал определение коннотации как стимулятору значения символического, оценочного или зависящего от чувства образа. Коннотации, несмотря на то, что они обусловлены культурой, располагаются строго по правилам, кроме того, не ограничиваясь отдельными знаками, тесно связаны в ряду между собой знаками, как в едином тексте [15. С. 17–18]. Именно Р. Барт обратил внимание на универсальность коннотации как инструмента исторической антропологии: человеческое общество нуждается в фиксации вторичных смыслов, и в структуре языка заложена возможность удовлетворения этой потребности.

Р. Барт утверждал, что коннотаторы в любом случае представляют собой дискретные, «эпиграфические» знаки, «натурализированные» денотативным сообщением, которое несет их в себе – отсюда его знаменитый тезис о власти языка. Что же касается коннотативного означаемого, то оно обладает всеобъемлющим, глобальным, расплывчатым характером: это – фрагмент идеологии [16. С. 158–159].

Впервые социокультурный компонент в коннотацию ввел Л. Блумфилд, который выделил чисто семантические коннотации, относящиеся непосредственно к сфере сознания, и коннотации, имеющие эмоциональную базу. В коннотациях группы 1 Блумфилд видел определенный уровень речи, обусловленный социальными, региональными и культурными факторами. К этой же группе он относил коннотации, возникающие в заимствованных словах. Включение экстралингвистических факторов в понятие коннотации вызвало у некоторых лингвистов стремление отнести коннотацию не к области изучения лингвистики, а в сферу прагматики и семиотики [17. С. 156–164].

С. Буллон, в свою очередь, также рассматривает и использует коннотацию по отношению ко всем социокультурным ассоциациям, возникающим у носителей языка в связи с тем или иным словом, и о которых носи-

тель языка может и не знать, т.к. эти ассоциации соотносятся с культурой и не могут быть переданы посредством традиционной словарной дефиниции или однословным лексическим эквивалентом при переводе. В качестве одного из примеров С. Буллон анализирует ассоциации, связанные со словом «шампанское» *champagne*. Это дорогое вино является в Великобритании социальным маркером принадлежности к высшим слоям общества, а также ассоциируется со свадьбами, крестинами и другими особыми случаями (в русском более обиходное отношение к шампанскому) [18. С. 27].

Как и большинство лингвистов, А.И. Ефимов связывает понятие коннотации с эмоционально-окрашенными словами, отличающимися ярко выраженной экспрессивностью (выразительностью), которые любой общенародный язык предоставляет в распоряжение писателю. Эти речевые средства выделяются в составе лексики благодаря тому, что в них номинативные значения осложнены оценочно-характеристическими смысловыми оттенками [19. С. 217].

Вслед за этим и В.И. Шаховский также считает, что коннотация – это аспект лексического значения единицы, с помощью которой кодировано выражается эмоциональное состояние говорящего и обусловленное им отношение к адресату, объекту и предмету речи, ситуации, в которой осуществляется данное речевое общение [20. С. 13–14].

Чисто лингвистическое или, точнее, лексикографическое понятие коннотации включает в себя как оценочный компонент, так и социокультурный. В современной лингвистике большинство исследователей связывает коннотацию прежде всего с экспрессивным компонентом значения. Данная традиция укрепилась благодаря развитию психолингвистики и усилению интереса к экспериментальным исследованиям в конце XIX в.

По мнению К.А. Долинина, первичное денотативное значение слова не может во всех случаях объяснить его современное стилистическое значение и, скажем сразу, даже объясняя, как правило, не определяет его, т.е. не мотивирует в сознании современных носителей языка. А под узувальным стилистическим значением, т.е. стилистическим значением, порожденным узувальным употреблением данного выражения, понимается такое значение, которое так же условно и немотивированно, как и его денотативное значение [21. С. 115].

Д.Н. Шмелев вслед за К.А. Долининым рассматривает коннотацию со стилистической точки зрения. Рассматривает стержень слова – не какое-то отдельное значение слова, а те семантические элементы, которые оказываются общими для всех значений слова. Д.Н. Шмелев считает, что отбор, как и сочетание слов, всегда определяется не только задачами непосредственной передачи информации, но и в какой-то мере теми условиями, той ситуацией, в которых делается сообщение, так же как и назначением данного сообщения [22. С. 250–251].

Д.Н. Шмелев приписывает коннотации такие термины: «эмоциональные наслоения», «экспрессивная окраска» (информация, которая за-

ключает в себе какое-то указание на отношение говорящего к обозначаемым данными словами явлениям, сигнализирует о том, в каких условиях происходит речевое общение, характеризующее говорящего с разных сторон – «экспрессивно-стилистическая окраска» [22. С. 254–255].

С развитием психолингвистики усилился интерес к экспериментальным исследованиям в конце XIX в., и именно тогда изучение дополнительных значений пошло по направлению аффективной стороны слова. В связи с этим, в Словаре лингвистических терминов под руководством О.С. Ахмановой [23. С. 203–204] коннотация рассматривается в качестве добавочного значения, окраски, окрашенности. Под понятием коннотации О.С. Ахманова понимает качество выразительности и рассматривает более подробно прагматическое содержание и понятийное ядро в значении слова.

И.А. Стернин считает, что коннотация – часть системного значения знака, это отражение в значении условий акта общения, отношения говорящего к предмету речи или участникам акта речи, и рассматривает коннотативно-семантический компонент, выражающий отношение говорящего к предмету в форме эмоции и оценки. Исследователь классифицирует коннотацию по трем группам. В основе его классификации лежит степень удаленности коннотации (зависимости ее) от денотативной семы. Коннотативная сема первой степени мотивируется денотативной семой, сохраняя с ней логическую связь (белые ночи – ночи на севере), т.е. коннотативная сема логически связана с денотативной семой. Коннотативная сема второй степени логическую связь с денотацией утратила, поэтому является немотивированной (довести до белого каления – вывести из себя). Коннотативная сема третьей степени содержится в значении слов, окончательно утративших денотативную соотнесенность (сга, баклуши) [24. С. 112].

Е.М. Верещагин определяет коннотацию как семантическую долю значения, дополняющую сведения об объективно существующей реалии сведениями о ее национальной специфике. По его мнению, коннотацию следует рассматривать с точки зрения страноведческого и культурологического подхода, а слово – вместилище знания, вмещает в себе и в себя знания о действительности, свойственные как массовому, так и индивидуальному сознанию [25. С. 112].

Н.Г. Комлев не наделяет коннотацию эксплицитным содержанием, коннотация – это семантическая модификация значения, включающая в себя совокупность семантических наслоений, чувств, представлений о знаке, логическом понятии или о некоторых свойствах и качествах объектов, для обозначения которых употребляется данное слово-значение. Иначе, коннотация – сумма компонентов, входящих в семантическую структуру знака, формально не содержится в слове-знаке [26. С. 46].

В.И. Говердовский понимает коннотацию как сумму содержательных компонентов значения, функционирующих в реальном речевом акте. Выстраивая социопсихолингвистическую модель семантического понятия, он выделяет пять типов коннотации: контекстный, тематический,

историко-культурный, историко-языковой и экспрессивно-оценочный [27. С. 132–133].

В 1970-х гг. коннотация становится объектом интереса лексикографов. Ю.Д. Апресян обращает внимание на необходимость фиксации в особой прагматической или коннотативной зоне словарной статьи семантических ассоциаций, или коннотаций, – «тех элементов прагматики, которые отражают связанные со словом культурные представления и традиции, господствующую в данном обществе практику использования соответствующей вещи и многие другие неязыковые факторы» [28. С. 159].

Ю.Д. Апресян считает, что коннотации очень капризны, сильно различаются у совпадающих или близких по значению слов разных языков или даже одного и того же языка. Для демонстрации различий таких ассоциаций в разных языках Ю.Д. Апресян приводит пример со словом «ишак», которое в русском языке ассоциируется с представлением о готовности безропотно работать, и со словом «осел» – представлением об упрямстве и глупости. В других языках эти слова могут вызывать иные ассоциации. «...Коннотациями лексемы мы будем называть несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности». *Петух* в значении «самец курицы» коннотирует признак «задиристость»: *петух* 2 – «задиристый человек – как бы *петух* 1 по коннотации задиристости» [28. С. 178].

Данное понимание коннотации противопоставлено подходу Дж. Линча, который связывает понятие коннотации с реальным миром и, говоря о коннотации, подразумевает вызываемые словом или выражением ассоциации с впечатлениями «реального мира», что приводит его к выводу о периферийности и случайности коннотаций по отношению к языку [29. С. 14–15].

К.А. Аллендорф считает, что эмоционально-экспрессивная окраска возникает у слова только в процессе его употребления, что «при включении субъективного фактора в структуру лексического значения» исследователь должен был бы отказаться от тезиса об объективном существовании языка». Кроме того, в содержании человеческой речи, кроме основной информации – мысли, почти всегда можно найти также социальную информацию, указание на социальное положение говорящего и ...информацию эмоциональную [30. С. 57].

Е. Курилович также говорит об абстракции коннотации: «Общее значение – это абстракция, полезность и применимость которой к конкретным лингвистическим проблемам решит будущее. Наше личное возражение против введения этого понятия – невозможность интеграции качественно различных элементов, а именно коммуникативного содержания и аффективных стилистических оттенков. По нашему мнению, самое важное – главное – значение, то, которое не определяется контекстом, в

то время как остальные (частные) значения к семантическим элементам главного значения прибавляют еще и «элементы контекста» [31. С. 246].

Лингвист Н.Д. Арутюнова связывает определение коннотации с именами нарицательными и дает определение коннотаций истины и правды, а также их различия [32. С. 21]. Она рассматривает коннотативные и неконнотативные имена. Коннотативные имена называют предмет и имплицитно атрибут. Способность к коннотации присуща всем конкретным именам нарицательным и некоторым абстрактным существительным (слово «вина» передает понятие о скверном и вредоносном свойстве); отсутствует коннотация и у имен собственных, потому что они, подобно меловой отметине на доме, имеют цель, но лишены значения [33. С. 57].

А.В. Филиппов рассматривает содержание коннотативного аспекта значения только в двуединстве эмоционального и стилистического микрокомпонента и считает, что оценочность и экспрессивность по сущности своей не коннотативны [34. С. 59].

Лингвист М.М. Покровский рассматривает в лексической системе языка различные группы или «поля слов»: внутриязыковые объединения («по сферам представлений») и внеязыковые объединения («по предметным областям») [35. С. 57].

Г.В. Колшанский сравнивает коннотацию с новыми компонентами содержания единиц, довлеющими над исходными значениями и проявляющимися в определенном контексте, сочетании элементов, и считает, что внутрисистемные отношения образуют категории вторичного порядка, именно они составляют специфику каждого конкретного языка, характер его грамматического строя. Коннотация вторична по отношению к отображаемым в мышлении реальным фактам, но одновременно она и понятийна по своему существу, т.к. отображает также реально существующие категории, свойственные языку как материальному объекту [36. С. 22–23].

И.В. Арнольд, исследуя коннотацию, приписывает ей отношение к системному значению знака, отношению говорящего к предмету речи или участникам акта речи. В нее входят эмоциональный, оценочный, экспрессивный и стилистический компоненты (или стилистическая коннотация) значения. Утверждая, что коннотация возникает на базе логико-предметного содержания слова, но, раз возникнув, характеризуется тенденцией вытеснять его или сильно модифицировать, И.В. Арнольд приводит пример со словом *shut up* – «For God's sake, you damned bitch», he said, «shut up, can't you?», где, согласно его классификации, присутствуют все четыре компонента коннотации – эмоциональный, экспрессивный, оценочный и стилистический. Они могут выступать вместе или в разных комбинациях или вообще отсутствовать [37. С. 106].

Характеризуя развитие коннотативного значения слова, М.П. Брандес говорит о его неустойчивости, т.к. оно либо привносится каким-либо

контекстом и выявляется из него, либо существует в качестве коннотативной семантики, получающей определенность также только в контексте. Брандес приписывает знаменательным словам основное и дополнительное, денотативное и коннотативное значение [38. С. 236–237].

Е. Ризель связывает коннотацию с функциональной стилевой окраской, а именно это любое специфическое выражение языковыми средствами, которое указывает на принадлежность к определенному речевому стилю. Речь идет – если позволительно так выразиться – о специфической атмосфере внутри того или иного функционального способа употребления в языке [39. С. 21].

Б. Зандих в своем определении коннотации указывает на ссылку используемых стилистически значимых элементов и воздействие стиля: «Коннотация – это коммуникативное использование указывающих на код признаков в смысле иллюкционного эффекта (коллокуция)» и: «Используемый коннотативный знак в этом случае является составной частью локуционной сферы» и выступает в качестве любого другого знака иллюкционнoй сферы, характерной чертой которого есть коллокуционный эффект», т.е. воздействие стиля [40. С. 107]. Зандих различает два вида коннотаций: «с обязательной маркировкой», т.е. коннотирующих на основе стилистического значения лексической единицы, и «с контекстуальной маркировкой», т.е. коннотирующих только в контексте.

Принадлежность высказываний, таких как *affengeil*, *bloss*, *Ooch*, *freilich* и предлога *laut* к определенным вариантам называют коннотацией. В других употреблениях высказывания сохраняют принадлежность к вариантам в качестве коннотативного значения, также и в новом контексте, и способствуют только «смешиванию примеров» в качестве вида структуры: текст из «Dummdeustch»: Superlearning unter vielen Verwandten eine besonders affengeile Neupraegung. Hinter der freilich eine enttaeuschend alberne und alte Luege lauert. Laut «Managemagazin» bedeutet «Superlearning» bloss «Lernen wie im Schlaf» [40. С. 294].

Известный лингвист Н.М. Наер подчеркивает, что первое определение коннотации значения дано Л. Ельмслевым и В. Шмидтом. Важным моментом в исследованиях Н.М. Наер является тот факт, что ученый дает понятие коннотатора. Языковые величины, на которые указывает коннотация, называются коннотаторами. Это могут быть как лексические, так и грамматические (морфологические и синтаксические) формы, структура текста, пропуски в тексте. Наер рассматривает коннотаторы на примере слова *Koepfchen*. Слово имеет коннотацию «любовь, тепло, забота», если речь идет о ребенке. В своем произведении «Harzreise» Г. Гейне употребляет это слово с сатирическими коннотациями, когда рассказывает о головах гёттингенских профессоров. В высказывании «Der Lehrer, Herr X, erklart den Stoff sehr klar» – слово *Herr* звучит нейтрально. Можно также предположить, что оно обладает коннотацией «признание, уважение». В предложении «Die Herren in Pentagon haben sich verrechnet» то же самое

слово уже звучит критично и обладает коннотацией «возмущение, ненависть» [41. С. 59–60].

Т.А. Буркова, исследуя антропонимы, делает вывод, что они являются значимыми элементами языковой номинации. У каждого человека есть личное имя и некоторые добавочные имена. Одним из разрядов таких добавочных имен является прозвище – название, указывающее на какую-нибудь черту, особенность или данное кому-либо в шутку, в насмешку. Прозвища – коннотации – могут выполнять разнообразные функции и иметь разнонаправленные стилистические коннотации в художественном тексте. Прозвища настолько эмоционально и экспрессивно насыщены, что никогда не превращаются в нейтральные слова, а на фоне других собственных имен воспринимаются как стилистически окрашенные единицы [42. С. 60–62].

Современный лингвист Е.О. Аквазба считает, что коннотация – это часть значения языкового знака [43. С. 90].

О.Н. Ракитина связывает коннотацию с культурно-национальной самобытностью ассоциаций, обусловленной «многослойностью воздействия практического, теоретического, культурного и собственно языкового опыта» и определяет коннотат как эмотивно-оценочную и стилистически маркированную окраску языковой единицы, выражающую отношение субъекта речи к действительности узуального или окказионального характера [44. С. 32].

Н.Ф. Алефиренко считает, что коннотация всегда связана, так или иначе, с экспрессивной окраской номинативных единиц языка [45. С. 161].

В.В. Виноградов, говоря о роли переносных значений, считает, что слово, актуализируясь в речи, реализует «помимо своих и переносных значений еще и потенциальную энергию быть выражением или отображением побочных, ассоциативно связанных с ним образов, чувств, идей». Коннотации такого рода основаны на литературных и библейских аллюзиях (*lion* – «мужество», *sheep* – «бессловная покорность») [46. С. 162–163].

А.П. Чудинов определяет коннотацию в лингвистике как «периферийные компоненты семантики слова», т.е. определенное дополнительное значение, к основному надывидуальному обозначаемому – можно сказать, не совсем обязательное [47. С. 162–163].

Своеобразные определения коннотации дают Л.Н. Попов, который считает, что коннотация – это «остаток», «некое свободное место» в знаковой системе, некоторая незаконченность ее, незавершенность, которая должна быть восполнена личностным смыслом [48. С. 36], и М.А. Тульнова [49. С. 68]: это смысл (или намерение) или содержание соответствующего понятия в отличие от денотации какого-либо слова, т.е. расширение объема понятия, где охватывается вся совокупность объектов. Л.Н. Попов рассматривает искусство передачи информации тем звеном творческого процесса, в котором наиболее явственно проявляется некая дополнительность содержания, скрытая в тексте, – это и есть коннотация.

О связи социума и коннотации пишет О.Г. Ревзина, в работах которой коннотация – неотъемлемое устройство языковой системы и её функционирования в социуме, т.е. представляет собой лингвистическую универсалию, она несет информацию о мире и восприятии мира социумом [50. С. 57].

А.А. Уфимцева рассматривает коннотативные элементы, что они не включаются в знаковое значение словесных знаков, порождаются специфическими условиями их использования в речевых актах. Также она считает, что в какой-то степени лексическое значение (и, следовательно, различие денотации и коннотации, присущее нехарактеризующим словесным знакам [51. С. 94], т.е. неполнозначным словам, а собственным именам, квантитативам, деиктическим, связочным, заместительным словам, междометиям) в лексической семантике специально не рассматривается.

Коннотация как фактор субъекта речи, включённый в значение, противопоставлена объективному содержанию языковых единиц.

Субъективность коннотации проявляется в возможности неоднозначной интерпретации признаков реалии, названной одним и тем же именем, например, «волосёнки» – ласкательное и пренебрежительное употребление, «стреляный воробей» – одобрительное или с порицанием. Коннотация связана со всеми экспрессивно-прагматическими аспектами текста. Все языковые сущности, обладающие коннотацией, придают тексту субъективную модальность.

Коннотации слов специфичны для каждого языка. Л.В. Щерба отметил следующее различие между русским словом *вода* и обозначающим то же вещество французским словом *eau*: французскому *eau*, в отличие от русского *вода*, не свойственно образное употребление в смысле «нечто лишённое содержания», но зато французское слово имеет значение, которое более или менее можно передать русским «отвар» (*eau de ris* «рисовый отвар», буквально «рисовая вода», *eau d'orge* «ячменный отвар»), а из этого вытекает, что русское понятие воды подчеркивает ее пищевую бесполезность, тогда как французскому *eau* этот признак совершенно чужд [52. С. 38–42].

Существует точка зрения, отрицающая наличие коннотации. Так, Дж. Айто считает, что с чисто теоретической точки зрения такого термина, как коннотация в лексикографии не существует реальности [53. С. 124]: если с помощью лингвистического анализа нельзя выделить любой коннотативный элемент и показать, как он влияет на дискретное денотативное значение слова, этому элементу в словаре не должно быть места.

В заключение хочется отметить, что планомерное накапливание теоретических и фактических данных о лексической коннотации может (и должно) привести к выделению особого раздела лексикологии, посвященного специально ей.

Литература

1. *Iordanskaja L., Mel'čuk I.* Connotation en s'emantique et lexicographie // Dictionnaire explicatif et combinatoire du francais contemporain. Recherches lexico-s'emantique. 1. Montr'eal: R'ed. A. Clas, 1984. P. 33–43.
2. *Российский* энциклопедический словарь: В 2 кн. / Гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. Кн. 1: А–Н. 1023 с.
3. *Советский* энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. 2-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 1600 с.
4. *Большой* энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 1999. 1456 с.
5. *Большой* энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / Гл. науч. ред. и сост. С.Ю. Солодовников. Мн.: МФЦП, 2002. 1008 с.
6. *Постмодернизм.* Энциклопедия. Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. 1040 с.
7. *Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка. Пер. с англ. / Сост. В.Д. Мазо. М.: КомКнига, 2006. 248 с.
8. *Барт Р. S/Z.* Пер. с фр. 2-е изд., испр. / Под ред. Г.К. Косикова. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 232 с.
9. *Der Grosse Coron.* Band 10: Kast-Land / Das moderne Nachschlagwerk in 20 Baenden. – Hrsg. u. bearbeitet v. d. Meyer-Lexikonredaktion des Vlg. Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus AG / Chefredaktion: Karl-Heinz Ahlheim, Dipl.-Phil. Gisela Pres/Mit Sonderbeitraegen von Reinhard Schoeneberg und Heinz Zemanek. Mannheim: Coron Verlag Lachen am Zuerichsee, 1988. 496 s.
10. *Милл Д.С.* Система логики силлогистической и индуктивной. Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. М.: Книжный дом, 1899. 781 с.
11. *Бюлер К.* Теория языка. Репрезентативная функция. Пер. с нем. / Под ред. В.Д. Мазо. 2-е изд. М.: Издательская группа «Прогресс», 2000. 528 с.
12. *Buehler K.* Die Axiomatik der Sprachwissenschaften. Einleitung und Kommentar von Elisabeth Stroeker. Frankfurt/Main, 1969. 434 s.
13. *Найда Е.А.* Анализ значения и составления словарей // Новое в лингвистике. Вып. 2 / Сост. В.А. Звегинцев. М.: Иностранная литература, 1962. С. 45–71.
14. *Говардовский В.И.* История понятия коннотации // Филологические науки. М.: Наука, 1979. № 2. С. 83–86.
15. *Барт Р. S/Z.* Пер. с фр. 2-е изд., испр. / Под ред. Г.К. Косикова. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 232 с.
16. *Барт Р.* Основы семиологии // Структурализм: «за и против»: Сб. ст. М., 1975.
17. *Блумфилд Л.* Язык. 2-е изд-е, стереотип. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 608 с.
18. *Bullon S.* The Treatment of Connotation in Learners' Dictionaries // BudaLEX'88 Proceedings. Papers from the EURALEX. Third International Congress, Budapest, 4–9 Sept., 1988 / Eds T. Magay and I. Zig'any, Budapest: A'kad'emial Kiad'o, 1990. P. 27–33.
19. *Ефимов А.И.* Стилистика художественной речи. М.: Изд-во МГУ, 1957. 448 с.
20. *Шаховский В.И.* Эмотивный компонент значения и методы его описания. Волгоград: Изд-во ГУ, 1983. С. 13–14.
21. *Долинин К.А.* Стилистика французского языка. М.: Просвещение, 1987. 303 с.
22. *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 280 с.
23. *Словарь* лингвистических терминов / Сост. О.С. Ахманова. М.: КомКнига, 2005. 576 с.
24. *Стернин И.А.* К проблеме системной связи в структуре языка. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1973.
25. *Верещагин Е.М.* Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. М., 1980. 320 с.

26. **Комлев Н.Г.** О культурном компоненте лексического значения // Вестник Московского университета. М.: Изд-во МГУ, 1966. № 5. С. 43–50.
27. **Говердовский В.И.** Феномен коннотации на денотативном уровне // Языковая практика и теория языка. М.: Изд-во МГУ, 1974. Вып. 1. С. 139–147.
28. **Апресян Ю.Д.** Избранные труды. Т. 1: Лексическая семантика. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 1995. 472 с.
29. **Leech G.** *Semantics* Harmondsworth, Middlesex: Penguin Books Ltd., England, 1974. 384 p.
30. **Аллендорф К.А.** Учебник немецкого языка для младших классов / Сост. Иван Аллендорф, преподаватель Кишиневского реального училища. 25-е изд. Ч. 1. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1915. Т. 2. 210 с.
31. **Курдюкович Е.** Очерки по лингвистике: Сб. ст. М.: Иностранная литература, 1962. 456 с.
32. **Арутюнова Н.Д.** Истина: фон и коннотация // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. 204 с.
33. **Арутюнова Н.Д.** Логические теории значения // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. 378 с.
34. **Филлипов А.В.** К проблеме лексической коннотации // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1978. № 1. С. 57–63.
35. **Покровский М.М.** Избранные работы по языкознанию. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. 382 с.
36. **Колшанский Г.В.** Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. 378 с.
37. **Арнольд И.В.** Стилистика современного английского языка (Стилистика декодирования). М.: Просвещение, 1990. 300 с.
38. **Брандес М.П.** Стилистика немецкого языка. М.: Высш. шк., 1990. 320 с.
39. **Riesel E.** *Stilistik der deutschen Sprache*. Verlag fuer fremdsprachige Literatur. M., 1959. 467 s.
40. **Sandig B.** *Stilistik der deutschen Sprache*. Walter de Gruyter, Berlin; New York, 1986. 368 s.
41. **Наер Н.М.** Стилистика немецкого языка: Учеб. пособие для институтов и факультетов иностранных языков. М.: Высш. шк., 2006. 271 с.
42. **Буркова Т.А.** Стилистические концепции прозвищных имен в немецких литературных текстах // Теория поля в современном языкознании: Межвуз. науч. сб. Уфа: РИО БАШГУ, 2002. 212 с.
43. **Аквизба Е.О.** Денотация и коннотация в художественном тексте (на материале лексики растительного и животного мира в произведениях М.М. Пришвина): Дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004. 221 с.
44. **Ракитина О.Н.** Национально-культурная коннотация как семантическая категория (на материале русских и немецких слов, обозначающих участки рельефа в фольклорных текстах): Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005. 229 с.
45. **Алефиренко Н.Ф.** Спорные проблемы семантики. М.: Гнозис, 2005. 326 с.
46. **Виноградов В.В.** Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2000. 509 с.
47. **Чудинов А.П.** Структурный и когнитивный аспекты исследования метафорического моделирования (регулярной многозначности) // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург: Изд-во УГУ, 2001. Т. 6. С. 38–53.
48. **Попов Л.Н.** Коннотация в музыке как средство развития художественного сознания старшего дошкольника: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003. 150 с.
49. **Тульнова М.А.** Структура социокультурной коннотации слова в учебном словаре (на материале британских учебных одноязычных словарей): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. 158 с.
50. **Ревзина О.Г.** О понятии коннотации // Языковая система и её развитие во времени и пространстве. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 436–446.
51. **Уфимцева А.А.** Лексическое значение // Принципы семиологического описания лексики. М.: Наука, 1986. 238 с.

52. *Щерба Л.В.* Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики / АПН РСФСР. Ин-т методов обучения. М.: АПН РСФСР, 1947. 95 с.

53. *Ayto J.* On specifying Meaning. Semantic Analysis and Dictionary Definitions // Lexicography: Principles and Practice / Ed. by R.R.K. Hartmann. L.: Academic Press Inc., 1983. P. 89–98.

HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF LEXICAL CONNOTATION

Kropotova L.V.

Summary. In the philosophical science about the language of 14th century the term «connotation» was used specifically with a view to tell the difference between the words concerning mode and action. In the linguistics of the XIX century designated the term «connotation» all emotional coloured of elements of substance, which compared with pragmatival speech aspect. The systematic agglomeration of the theoretical and practical data about lexical connotation will result in separation categories in the lexicology, devoted to development of connotation.

Key words: the lexical connotation, the connotat, the denotat, the cultural association, the component, expressive, emotional.